

так для слова *парахот* с соединительной гласной *о* в словах *сухостой* и т. д., для слова *советский* со своим словом *совет* в значении 'наставление'.

В литературном языке сюда относится заимствование из цокающих говоров слова *цапля*, тогда как в южно-русских говорах, не знающих цоканья, а также во всех славянских языках, это слово произносится с *ч*; так укр. *чапля*, серб. *чапља*, пол. *czapla*.

Такого же рода произношение с *е* одного слова *м'ёчик* 'мячик' в говорах, не знающих замены *а* между мягкими посредством *е*, или произношение в литературном языке с *и* одного слова *сиверко* (очевидно, и здесь произошел разрыв с *север*) или в ряде не знающих редукции *у* во втором предударном слоге произношение слова *ч'игуны*.

Повидимому, также следует рассматривать устойчивые произношения с *и* слов *н'ид'ёл*, *нив'ёста* в говорах с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, имеющим при ударном *е* (из *ѣ*) в первом предударном слоге *'а* (*б'ал'ёл*, *т'ал'ёта*); в этих говорах при заимствовании этих слов *и* вполне могло примкнуть к *и* в таких словах, как *с'ид'ёл*, *пр'ис'ёл*, *п'ил'ё* и т. д.

Случаи этого рода, не затрагивая фонетической системы говора, всё же меняют словарное (или морфемное) наполнение той или другой фонемы. С точки зрения общения между говорами они представляют процессы, способствующие объединению говоров, так как заимствующий говор усваивает слово без изменения его звукового вида.

б) Заимствующий говор изменяет произношение заимствуемого слова в соответствии со своей фонетической системой. Это бывает тогда, когда в заимствуемых словах имеются звуки, целиком отсутствующие в говоре или же не употребляемые в нем в известном положении. Такова замена *ф* во всех заимствуемых словах звуками *х* или *хв* в ряде южнорусских говоров, не имеющих *ф*: *хатá* 'фата'. Характерно для такого положения сообщение проф. Н. П. Гринковой относительно этой черты в Воронежских говорах: „Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как *хвартук*, *хванарь*, *хранцуз* или собственные имена, как, *Хвилип*, *Хведот* и т. п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: *матахве* 'МТФ', *хвонт*, *хвакт*, *па үрахвику*“.¹

Таким же образом цокающие говоры в заимствуемых словах со звуком *ч* произносят *ц*: *цыйт'ёл*, *цацыл'ник*, *цытáл'на*.

Сюда же относится произношение с аканьем типичных севернорусских слов в литературном языке: *орать*, 'пахать', *волочить* 'бороновать', *поморы*, *Холмогоры* и т. д.

Также яканье распространяется на литературную лексику в воронежских говорах, как об этом свидетельствует Н. П. Гринкова: „В речи передовых колхозников эти закономерности в основном сохраняются: *рявизию*, *шастиполья*, *лушенья стярни*, *дязурная*, *палявот*, *утвардить*, *жадая* (3-е л. ед. ч.), *будя*, *размаүничивая*, *раскряпица*, *на западя* и т. п.².

В связи с тем, что в подобных говорах *'а* (*я*) соответствует звуку *и* литературного языка и других говоров, то иногда в орбиту яканья вовлекаются случаи с *и*: *брыáда*.

Такого рода переработка заимствований свидетельствует об устойчивости фонетической системы заимствующего говора, о своего рода непроницаемости ее для чуждых звуков. В отношении общения между

¹ Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. Л., 1947, стр. 197.

² Там же.